

В. П. ШЕСТАКОВ

**Уинстон Черчилль:
интеллектуальный портрет**

От автора

Всеми миру Уинстон Черчилль известен как выдающийся политический деятель XX века. О политической биографии Черчилля написаны сотни книг, причем не только англичанами книги есть на всех языках мира. Действительно, главной сферой деятельности на протяжении всей его жизни была политика. В 1900 году Черчилль становится членом парламента от маленького провинциального городка. С тех пор и до конца дней он участвует в британской политической жизни, занимает различные правительственные посты — от помощника министра до премьер-министра. Поэтому нельзя не признать, что Черчилль был профессиональным политиком.

Но в связи с этим возникает несколько вопросов. Во-первых, как сам Черчилль относился к политике и, во-вторых, была ли она единственной сферой его интересов и занятий. Что касается первого вопроса, то удивляет обилие критических замечаний Черчилля о политике и политиках. Он, в частности, утверждал, что война более гуманна, чем политика. На войне убивают один раз, в политике могут убивать много раз. Черчилль знал, о чем говорил, в политике его пытались уничтожить неоднократно. Подобного рода суждения Черчилль высказывал не один раз, и, очевидно, это не было просто пустой фразой.

Что касается второго вопроса, то известно, что помимо политики Черчилль посвящал себя самым различным занятиям: журналистике, литературе, истории, живописи и даже кладке

кирпичных стен. Среди этих занятий выделялась живопись, ей Черчилль уделял все свое свободное время, начиная с 1915 года и до конца жизни, т. е. целых пятьдесят лет.

<...>

Черчилль и Россия

Россия — это загадка, облаченная в тайну и погружения в мистику.

Уинстон Черчилль

Отношение Черчилля к России на протяжении его жизни не было однозначным. Это было связано и с тем, что образ России на мировой арене постоянно менялся, и с тем, что менялся сам Черчилль. В молодости, начиная свою военную и политическую карьеру, он мало интересовался Россией. Она была за пределами его интересов, за пределами его представлений о Европе. Впервые Черчилль стал писать и говорить о России после Октябрьской революции. Политик, который славился храбростью, вдруг выказал страх перед молодой страной, где победили большевики. Его инстинктивно пугали ее гигантские размеры, огромная, бесконтрольная централизация государственной власти, самая многочисленная армия в Европе. С самого начала Черчилль был непримиримым врагом большевизма. По его словам, большевизм означает «безжалостную резню мужчин, женщин и детей, сожжение домов, тиранию, эпидемии и голод»*. Черчилль призывал к крестовому походу на большевизм и на большевистскую Россию.

Он был инициатором интервенции в советскую Россию¹. Выход России из числа союзников в войне с Германией привел к осложнению всего театра военных действий в Европе. Немецкие войска оккупировали Украину, Прибалтику и Белоруссию. Они подбирались и к портовым городам России. Это угрожало английским интересам. Поэтому Уинстон Черчилль, ставший в 1917 году министром военного снабжения в правительстве Ллойд Джорджа, выступает в английской прессе, обвиняя большевиков в предательстве. Он писал: «*Несомненно, ни к какой*

* Weekly Dispatch, 1919, June

стране судьба не была столь жестокой, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже война... Отчаяние и предательство овладели властью. Россия рухнула на пороге победы».

Английская политическая верхушка по-разному отнеслась к большевистскому перевороту. Лейбористы поддерживали большевиков. Премьер-министр Ллойд Джордж занимал нейтральную позицию. Откровенно непримиримую позицию по отношению к большевикам занимали тори во главе с Уинстоном Черчиллем.

Фактически, англичане начали интервенцию уже в 1917 году. И для этого были предпосылки. Дело в том, что в Мурманске находился огромный арсенал английских боеприпасов, привезенных сюда еще в 1915 году. Чтобы спасти его, англичане договариваются с мурманским Советом о высадке английского десанта. Совет принимает решение о независимости Мурманского края от советской России и оказывает всяческую поддержку английской миссии. В результате в Мурманск прибывает более двух тысяч пехотинцев, которые должны были охранять его от захвата немцами. Позднее английский флот занял Соловецкие острова, а пехотинцы захватывали Архангельск. В результате уже в конце 1918 года русский Север был захвачен англичанами.

Английские войска производят активные действия и на юге. В сентябре 1918 года в Баку высаживается пехотная дивизия с артиллерией и броневиками. Члены бакинского Совета были арестованы, а 26 из них — расстреляны. Английские войска поддерживают Белую армию во Владивостоке и в Сибири.

Но всего этого Черчиллю было мало. Он рассчитывал на широкомасштабную операцию с участием нескольких стран. Приход большевиков к власти заставляет Черчилля развернуть кампанию за интервенцию в Россию, чтобы задавить власть большевиков в самом ее начале. Он пытался завербовать в союзники 14 стран, включая Грецию, Польшу, Финляндию, Литву, Латвию. Особую роль Черчилль отводил Греции, пытаясь сыграть на интересах России и Греции в отношении черноморских проливов и Константинополя. Черчилль выступал в этот момент как настоящий джингоист, призывая ввести английские корабли в морские границы России. Из этой затеи ничего не получилось, так как Красная армия дала отпор белогвардейцам по всем фронтам. К тому же внутри самой Англии нарастало движение в помощь революционной России. Из-за России Черчилль расходится с премьер-министром Ллойд Джорджем, который безуспешно

пытается умерить джингоистский пыл Черчилля. Последний предпочитал торговать, а не воевать с советской Россией. В конце концов он принял решение о прекращении всякой помощи Белому движению: *«Я верю, что кабинет не допустит вовлечения Англии в какую-либо новую военную акцию в России», которые так и не реализовались, несмотря на щедрые расходы для их осуществления. Только за этот год уже истратили более 100 млн фунтов стерлингов на Россию. Давайте поэтому займемся собственными делами, а Россия о своих делах пусть печется сама»**.

Это было серьезным поражением Черчилля**. Оно дало основание Льву Троцкому написать в 1919 году статью «Черчилль угрожает, но нам не страшно», в которой он сравнивал морского министра с героиней Диккенса, которая собиралась половой щеткой задержать морской прибор. Но сам Троцкий не вызывал у Черчилля никаких симпатий. В своей статье о Троцком Черчилль признает его хорошим организатором, но заявляет, что тот *«никогда не был большевиком, так как всегда был против всякой власти вообще»*.

На протяжении 20-х годов Черчилль не скрывает своих антибольшевистских настроений. Теперь Россия становится для него главной темой политических статей и выступлений. Он пишет о деятелях русской революции и контрреволюции. В частности, Черчилль опубликовал большую статью о Борисе Савинкове. В 1917 году он узнает, что Ленин возвращается в Россию из Швейцарии в plombированном вагоне и хочет установить мирные отношения с немцами. По этому поводу Черчилль говорит, что *«храброе русское сердце было побеждено с помощью немецкого золота»*. Он пристально следил за вождями большевистской России. Он написал рецензию на письма Ленина, опубликованные в английской печати***. И рекомендовал всем читать эти

* Приводится по ст.: *Цветков В.* Мундир английский, погон российских // Родина. 2003. № 5–6. С. 104.

** Об истории английской интервенции см.: *Думова Н. Г., Трухановский В. Н.* Черчилль и Миллюков против советской России. М.: Наука, 1898; *MarkkuRuotsil.* The Churchill-Mannerheim Collaboration in the Russian Intervention. 1919–1920 // *The Slavic and East European Review.* Vol. 80. № 1. 2003. P. 1–20.

*** Эта рецензия находится в Центральном архиве Черчилля в Кембридже, но в очень плохом состоянии, так что некоторые ее страницы невозможно прочесть из-за расплывшейся печати пишущей машинки. Качество доку-

письма. В рецензии на письма Ленина Черчилль называет его «бациллой, посланной в контейнере немцами в Россию». Джеймс Юмс* приводит похожее высказывание Черчилля о Ленине, правда, без ссылок на источник: «Его ненависть крепка, как петля повешенного. Он намерен спасти мир, чтобы добиться этого, он готов перевернуть его вверх дном. Неудивительно, что немцы направили свои острые штыки в сторону России. Ведь это они перевезли Ленина, как бактерию в капсуле, из Швейцарии в Россию**». «В другом месте он говорит о Ленине: *«Это был человек, который разрушил свою страну и мечтал, чтобы все другие страны достигли такой же степени нищеты, как и его страна»****. Впоследствии он говорил о нем: *«Самым большим несчастьем для русского народа было его рождение, но еще большим — его смерть»*.

В целом в своем политическом противостоянии с большевистской Россией Черчилль скорее больше потерял, чем выиграл. Но оставив идею об интервенции в Россию, он постоянно выступал в своих речах в парламенте и английской прессе против идеи социализма. В книге «Мировой кризис» он писал: *«Русские жители не понимают, что при коммунизме появится новый лендлорд — советское государство, которое потребует более высокую ренту, чтобы накормить своих граждан. Это будет коллективный лендлорд, которого нельзя будет убить, но который без всякого колебания будет убивать всех»*.

Но опыт интервенции в России не пропал даром. В 1939 году, когда Черчилль сколачивал коалицию Америки, Англии и России, он вспомнил 1917 год. Об этом он говорил в палате общин 19 мая 1939 года. *«Обратимся к опыту 1917 года. В 1917 году русский фронт был сломлен и деморализован. Революции и мятеж подорвали мужество этой великой дисциплинированной армии, и положение на фронте было неописуемым. И все же, пока не был заключен договор о ликвидации этого фронта, свыше*

мента быстро ухудшается, и если он не будет реставрирован в ближайшее время, то скоро погибнет. Пять лет назад я находил его в удовлетворительном виде, но в конце 2010 года он оказался в катастрофическом состоянии.

*

** Юмс Д. С. Остроумие и мудрость Уинстона Черчилля. М., 2008. С. 219.

*** Статьи о России и Советском Союзе собраны в Архиве Черчилля. Статьи «Russian and Germany», «Lenin's Letter» находятся под шифром: v.1,8/36, статьи «Trotsky», «Boris Savinkov» — v.1,8/232.

полтора миллионов немцев были скованы на этом фронте, даже при его самом плачевном и небоеспособном состоянии. Как только этот фронт был ликвидирован, миллион немцев и пять тысяч орудий были переброшены на запад и в последнюю минуту чуть было не изменили ход войны и едва не навязали нам гибельный мир»*. Так что представление о силе и упорстве русских осталось у Черчилля на всю жизнь.

Русский большевизм вызывал у Черчилля ужас, как попрание прав личности и собственности. «В России, — говорил он, — человека называют реакционером, если он протестует против кражи его собственности, убийства его жены и детей»**. В последующем, говоря о *Homosoveticus*, он называл его «расчетливым, жестоким человеком, официально отлученным от христианской этики и атлантической концепции человеческой личности и свободы» (Commons, January 23, 1948).

Черчилль считал, что большевизм — это система, уничтожающая частную собственность, личность и провозглашающая государственный терроризм. Он видел в нем зло, которое распространения по всему миру, в том числе и в Англии. «Моя ненависть к большевизму и большевикам основана не только на неприятии их неразумной экономической системы и абсурдной доктрины, отрицающей равенство. Моя позиция возникает из отрицания кровавого и разрушающего терроризма, который большевики практикуют в каждой стране, в которую они вторгаются» (Commons, July 8, 1920). Черчилль считал, что большевизм — это не только политика, это болезнь со всеми признаками чумной заразы. Необходим длительный период после заболевания, чтобы люди смогли восстановить свое здоровье, когда свет разума вновь постепенно загорится в их глазах.

Впоследствии Черчилль перенес свою критику большевизма на коммунизм. Он не делал большого различия между коммунизмом и фашизмом, считая, что обе системы авторитарны, антидемократичны и разрушают принципы европейской цивилизации. Цивилизация, по его мнению, предполагает три необходимых составляющих: свободу, комфорт и культуру. Выступая в Лондонском университете в 1939 году, он говорил:

* Уинстон Черчилль. Мускулы мира. Составление, примечания к речам 1938–1945 гг. Льва Яковлева. М.: Эксмо. 2008. С. 108–109.

** Выступление в Палате общин 5 ноября 1919 г., в последующем — Commons.

«Цивилизация предполагает свободу критики правительства, свободу печати и выступлений, свободу религиозных верований, отсутствие расовых преследований, юридическую законность и справедливость» (Commons, May 19, 1939). Ничего этого в советской России не было.

Следует отметить, что отношение Черчилля к России основывалось не на серьезном экономическом анализе советской системы, а скорее на идеологических принципах, неприятии самой идеи социализма в любой ее форме. В этом отношении Черчилль расходился с некоторыми представителями британской экономической элиты, и, прежде всего, его позиция входила в противоречие с позицией выдающегося английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса², Кейнс проявлял интерес к историческим работам Черчилля, рецензировал его работы о войне и мире. Ссылаясь на книгу Черчилля «Мировой кризис», он писал: *«В этой книге содержатся современные впечатления о мотивах и атмосфере современной политической жизни. В ней описываются мирная конференция, Русская революция, Ирландская революция. Наименее удовлетворительны рассуждения о русских проблемах. Здесь в гражданской войне в России. Отчасти он признает неизбежную тщетность сил, которые он поддерживает. Он показывает слабость Белых, которых он так идеализирует (Колчака и Деникина). Большевики же, несмотря на признание их значительности личности Ленина, подаются им как жестокие звери. Разве можно признать правдой его заключительную сентенцию: «Россия, эта отверженная страна, заточивает штыки о свои арктические ночи и своими голодными губами провозглашает философию ненависти и смерти»**.

В отличие от политика Черчилля, экономист Кейнс проявлял живой интерес к молодой советской России и считал, что здесь проходит новый, заслуживающий внимания эксперимент. Еще в 1919 году в книге «Экономические последствия мира» Кейнс обращает внимание на стремительный рост населения в России после Первой мировой войны, когда превышение рождаемости над смертностью достигало 2 млн человек в год. Отмечая этот факт, Кейнс писал: *«Необычайные события, произошедшие за последние два года в России: величайший переворот общества,*

* *Keynes J. M. Essays in Biography // The Collected Writings of J. M. Keynes. Vol. X. L., 1972. P. 54.*

опрокинувший то, что казалось столь незыблемым, — религию, основы собственности и землевладения, а также формы государственного устройства и иерархию классов, быть может, больше обязаны глубокому влиянию возрастающей численности населения, чем Ленину или Николаю; избыточная плодовитость могла сыграть большую роль в разрушении устоев общества, чем сила идей или ошибки самодержавия».*

26 апреля 1922 года в газете «Манчестер гардиан» Кейнс публикует статью «Финансовая система большевизма», в которой он положительно оценивает введение в России золотого рубля и высказывает мысль о его возможной стабилизации. *«Кто знает, — писал он, — быть может, именно Россия удивит нас, став первой из послевоенных стран, которая стабилизирует свои финансы?»*

Наконец, в 1925 году Кейнс совершает поездку в СССР**. В этом году в СССР праздновалось 200-летие Академии наук. В это время Россия еще не отгородилось от Европы стеной враждебности и недоверия, которую вскорости воздвиг великий кормчий Иосиф Сталин. Поэтому на празднование юбилея были приглашены зарубежные гости. В июне 1925 года Мейнард Кейнс получил приглашение посетить Ленинград и Москву. В письме, написанном по-английски, приводился план пребывания Кейнса в России. Он включал посещение Академии наук в Ленинграде, поездки в Пулковку, Павловск, Петергоф, посещение оперного театра.

В большей своей части письмо было посвящено культурной программе. В нем ничего не говорилось об участии Кейнса в научной программе празднования Академии. Очевидно, Кейнс проявил инициативу и 14 сентября 1925 года прочел в Политехническом институте доклад «Экономическое положение в Англии». Очевидно, доклад был небольшим. В архиве сохранился его конспект на английском, из которого стало ясно, что главное в сообщении Кейнса было не просто изложение экономической ситуации в Англии, но и сравнение ее с экономической ситуацией в России.

* *Keynes J. M. The Economic Consequences of the Peace. L., 1871. P. 9.*

** Материалы, связанные с этой поездкой, хранятся в архиве Кейнса при библиотеке Кингз-колледжа в Кембридже, в котором я работал в 2009 году. Эти материалы впервые были опубликованы мною в статье «Джон Мейнард Кейнс и Россия: надежды и разочарования» // Вопросы культурологии. 2010. № 7. С. 33–39.

Судя по материалам архива, в первый же день пребывания в Москве он выступил с докладом «Экономические перемены в Европе». В этом докладе Кейнс ссылается на теорию Дж. Коммонса³ о трех эпохах, через которые прошли экономики всего мира. Первая, эпоха общего *недостатка*, относится к XVI–XVII векам. Ее отличает контроль над производством, физическое принуждение и т. д. Второй период — XVIII–XIX векам. Это эпоха *избытка*, характеризующая развитием торговли, либерализма в идеологии. Наконец, третий период относится к XX веку. Это — период *стабилизации*, который Кейнс считает «альтернативой коммунизму Маркса». *«Крайностями этой эпохи, — говорил Кейнс, — является фашизм на одной стороне и ленинизм на другой. Я лично никогда не принимал ни того, ни другого, так как государственный социализм не дает никакого верного выхода»**.

В этом докладе Кейнс обращается к теме, которая вскоре станет предметом его книги о поездке в Россию, — к анализу ленинизма. *«Как мне кажется, ленинизм — это одновременно и религия, и определенная экспериментальная техника. Капитализм тоже представляет собою религию, только во многом более терпимую, чем ленинизм. Для меня религиозная сторона дела не имеет никакого значения. В этом смысле я — еретик. Но экспериментальная техника представляет для меня огромный интерес. На Западе мы с симпатией и вниманием наблюдаем за тем, что происходит в вашей стране, в надежде, что сможем найти что-то новое, чему мы можем научиться от вас»* (там же).

Результатом поездки Кейнса в Ленинград и Москву явилась его книга «Беглый взгляд на Россию». В начале книги Кейнс оговаривается, что это результат не специального систематического исследования, а скорее наблюдение частного лица, и поэтому книга не претендует на окончательность выводов. Он исходит из того, что большевизм и ленинизм — это комбинация двух противостоящих друг другу типов мировоззрения — религии и бизнеса. По его словам, *«кредо ленинизма — это, с одной стороны, религия, мистицизм и идеализм, а с другой — прагматизм, реализм и материализм»***.

* Keynes Papers. Kings College.

** Keynes J. M. A Short View of Russia. L., 1925. P. 5.

По сути дела, в книге последовательно рассматриваются обе эти стороны большевизма. Идеальная его сторона связана с религиозностью. Кейнс находит аналогию этой религии в развитии христианского капитализма в европейской истории. *«Ленинизм — это комбинация двух вещей, которые в Европе находятся в различных частях души, — религии и бизнеса. Как всякая новая религия, ленинизм произрастает не из энергии большинства, а из небольшого меньшинства обращенных энтузиастов. Как всякая новая религия, она без сожаления и без всякого чувства справедливости преследует инакомыслящих. Как всякая новая религия, она полна миссионерского пыла и экуменических амбиций»**.

Что касается экономической стороны ленинизма, то Кейнс не находит в нем ничего нового или оригинального. Прежде всего это наивное представление о скорой отмене денег, которое не могло не показаться Кейнсу, автору трактата о деньгах, по меньшей мере утопической идеей.

В отличие от Черчилля, Кейнс был лишен идеологических предубеждений относительно советской России. Он полагал, что лучше иметь дело не с царской, а с советской Россией. Поэтому, завершая свою книгу, он пишет: *«Я бы хотел предоставить России ее шанс, не мешать ей, а даже помогать. Если бы я был русским, я бы работал скорее на советскую Россию, чем на царскую Россию. Я не могу присоединиться к новой официальной вере большей степени, чем к старой. Я не могу ненавидеть новых тиранов меньше, чем старых. Но из жестокости и глупости старой России не выросло ничего, тогда как за глупостью и жестокостью новой России могут скрываться проблески идеала»***. Представляется, что анализ Кейнса экономической и идеологической структуры советского общества является серьезной попыткой понять возможности и проблемы советской социальной системы.

В критике Черчилля по вопросу его отношения к России Кейнса поддержал еще один выдающийся английский мыслитель — Исая Берлин. В книге «Черчилль в 1940 году» Берлин ссылается на Кейнса и считает, что исторические работы Черчилля представляют собой смесь трезвого реализма с викторианскими романтизмом.

* Ibid. P. 11–12.

** Keynes J. M. A Short View of Russia. P. 28.

Берлин, вслед за Кейнсом, критикует Черчилля за негативное видение образа России. По мнению Берлина, в этих исторических работах Черчилль отдавал предпочтение государством и цивилизациям с прочным социальным порядком. «Он никогда не ненавидел, например, Германию. Она была для него великим государством и великой цивилизацией. Он всегда наслаждался ярким светом Франции и ее культуры и был борцом за англо-французское сотрудничество. Но он всегда видел в русских бесформенную, наполовину азиатскую массу за пределами стен европейской цивилизации»*. Действительно, у Черчилля Россия долгое время ассоциировалась с большевизмом, который он никогда не принимал. Впоследствии Черчилль отказался от отождествления России с большевизмом. И более того, боролся за сотрудничество с советской Россией, полемизируя с рядом английских сторонников союза с нацистской Германией.

Хотя Черчилль общался с Кейнсом, вряд ли он знакомился с его книгой о России. У него был свой взгляд на отношение капиталистической и социалистической систем. Сопоставляя социализм и капитализм, Черчилль отдавал несомненное предпочтение последнему, хотя и видел в нем определенные недостатки. «Прирожденный порок капитализма, — писал он, — это неравномерное распределение богатства, тогда как природенная добродетель социализма — это равномерное распределение нищеты» (Commons, Oct. 22, 1945). Социализм как политическая доктрина исходит из философии бедности, он может осуществить идею равенства только в условиях нищеты. По его словам, «социализм — это философия несостоятельности, кредо невежественности и евангелие зависти» (Commons, May 28, 1948).

Черчилль стоял на антибольшевистских позициях и был враждебен России вплоть до 30-х годов. И тут перед ним возник еще более агрессивный противник — немецкий фашизм. С этого времени Черчилль начинает смотреть на Советский Союз как возможного союзника в борьбе с нацизмом. Надо прямо сказать, что в это время в Европе, да и в СССР не было такого политика, который до конца понимал, что такое Гитлер и какую опасность он несет для всего человечества. В Англии многие заигрывали с Гитлером. И среди них был не только Освальд Мосли, британ-

* Ibid. P. 18.

ский фашист. Министр иностранных дел Джон Саймон видел в Гитлере заурядного, добропорядочного, склонного к мистике человека и называл его «австрийской Жанной д'Арк с усами». Арнольд Тойнби, несмотря на глубокое понимание истории, считал, что Гитлер принесет Европе мир. Чемберлен встречался с фюрером и по возвращении в Англию провозгласил: «Я принес вам мир!» Ведущий политический журналист Уолтер Липпман, услышав в 1933 году речь Гитлера, нашел в ней «голос подлинно цивилизованного народа». Многие англичане видели в фашизме альтернативу бессильной и коррумпированной парламентской демократии, но одновременно и альтернативу коммунизму. Это было проявление какого-то коллективного бессознательного, нежелания смотреть исторической правде в глаза.

Из всех английских политиков только Черчилль понял, куда приведет мир милитаризация Германии.

Политические позиции Черчилля не были поддержаны в Великобритании. Поэтому с 1930 по 1935 год Черчилль удаляется с политической арены.

Выйти из политической изоляции Черчиллю помог Гитлер. Сам он сказал по этому поводу: «Если бы война не началась, кто бы вспомнил о Черчилле». Кабинет Чемберлена по-прежнему рассчитывал на союз Англии и Германией, несмотря на то, что в 1938 году Гитлер захватил Австрию и Чехословакию. Черчилль, оставаясь в одиночестве, продолжал свои выступления в палате общин, предупреждая о возможной мировой войне. 18 марта 1938 года он сказал: *«В течение пяти лет и обращался к палате, но без всякого успеха. Я видел, как этот знаменитый остров бездумно сползает по лестнице, которая ведет в темный провал. В самом начале эта лестница выглядела величественно, но уже вскоре ковер, ее устилающий, исчез. А чуть ниже были только скромные плиты, а затем и они стали крушиться под нашими ногами... Если смертельная катастрофа вовлечет в себя британскую нацию и Британскую империю, историки будут озадаченно размышлять над тайной наших поступков. Они никогда не поймут, как могла эта победоносная нация, имея все в своих руках, упасть так низко, отказаться от всего, чем она владела, благодаря безмерным жертвам и абсолютной победе, — все оказалось унесенным ветром... Происходит гигантская трансформация»* (Речи, архив Черчилля).

Эту речь не опубликовала ни одна из газет. Более того, «Ивнинг стандарт» расторгла контракт с Черчиллем. Его политическая изоляция продолжалась, пока Гитлер не захватил Чехословакию и Польшу. Только после этого Черчилля призвали на Даунинг-стрит, где он получил предложение возглавить Адмиралтейство, а чуть позднее стать премьер-министром. Это был поворотный момент в жизни Черчилля. 11 мая 1940 года он записал: *«Наконец-то в моих руках была власть дать направление событиям на всей сцене. Я чувствовала себя, словно бы шагал вместе с судьбой и как будто вся моя прежняя жизнь была лишь приготовлением к этому часу, к этому испытанию. Одиннадцать лет я находился в политической изоляции. Мои предупреждения о грядущей катастрофе в течение последних шести лет были столь многочисленны, что никто не мог упрекнуть меня в недостаточной подготовленности к ней. Я был уверен, что не подведу».*

С этого времени Черчилль начинает менять свое отношение к России. Первоначально он рассчитывал на союз против Гитлера таких стран, как Франция и США. Но Франция вскоре капитулировала, и немецкие войска без всякого сопротивления вошли в Париж. Теперь Черчилль понимал, что Россия — это естественный союзник в борьбе с Гитлером. Об этом он сам с предельной откровенностью признался в речи на ланче в Советском посольстве в 1938 году, организованном послом И. Майским. *«Двадцать лет назад я со всей моей энергией сражался против коммунизма, потому что считал его идею мировой революции величайшей опасностью для Британской империи. Но теперь коммунизм не представляет такой опасности для нас. Напротив, в наши дни величайшей опасностью для Британии становится немецкий нацизм с его идеей мировой гегемонии Берлина. Поэтому в настоящее время я посвящаю всю свою энергию борьбе с Гитлером... Теперь мы и вы идем одной дорогой. В этом заключается причина, почему я являюсь сторонником тесной кооперации между Англией, Францией и СССР»**. Впоследствии этот триумвират был изменен на военный союз Англии, СССР и США.

К 1939 году относится еще одна оценка Черчиллем России и русской политики. Это было связано с его известным, ставшим

* Документы внешней политики СССР. Т. XXI, документ 103. М.: Политиздат.

символическим, замечанием о «загадочности» России. Обычно эту оценку приводят вне контекста, на самом деле Черчилль высказал ее в выступлении по лондонскому радио 1 октября 1939 года по вполне конкретному поводу — в связи с началом Второй мировой войны и оккупации фашистской Германией Польши. *«Россия проводит политику, основанную на собственных интересах. И русская армия стоит на границе, чтобы сохранять безопасность России против нацистской угрозы. Я не могу предсказать действий России. Она — загадка, облаченная в тайну и погруженная в мистику (It is a riddle wrapped in mystery inside an enigma)»*. Эта реплика, где Черчилль трижды называет Россию загадкой, хорошо известна и часто цитируется. Но при этом нередко забывают окончание мысли Черчилля, которое звучит так: *«Но может быть, ключ все-таки существует. Этот ключ — национальные интересы России...»**.

После вторжения немецких войск в Польшу Черчилль начал искать союзников в войне против Германии. Таким союзником, безусловно, была Америка. Другого союзника Черчилль находит в России. Правда, американцы уверяли его, что Россия продержится под ударами немецких войск всего несколько месяцев. Черчилль возражал, что Россия будет воевать более двух лет. И напомнил историю вторжения в Россию войск Наполеона.

С 1942 года открывается новый период отношения Черчилля к России. Он четыре раза посещает Москву, встречается со Сталиным и его политическим окружением. И приходит к полной уверенности, что советский народ будет вести войну с Гитлером до победного конца. Это было, когда Россия уже стала союзником Англии в войне с фашистской Германией. Все это заставляет Черчилля пересмотреть свои прежние взгляды и выработать новую стратегию в отношении к Сталину. Следует отметить, что теперь Черчиллю пришлось пересмотреть всю свою политическую программу за последние 20 лет и отказаться от традиционно провозглашаемого антисоветизма.

В августе 1942 года Черчилль впервые посещает Россию. Следует отметить, что визит в Москву и встреча со Сталиным во многом изменили его отношение к России. По возвращении в Лондон он выступает 8 сентября в палате общин с речью, в которой он высоко отзывается о Сталине и о России: *«Для меня*

* См.: Churchill. Ed. by Blake and Louis. Oxford, 1993. P. 312.

имела исключительное значение встреча со Сталиным. Главная цель моего визита состояла в том, чтобы установить такие отношения уверенности и открытости, которые я установил с президентом Рузвельтом. Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе ее стоит этот великий твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему пришлось жить... Я верю, что мне удалось дать ему почувствовать, что мы являемся хорошими и преданными товарищами в этой войне. Одно совершенно очевидно — непоколебимая решимость России бороться с гитлеризмом до конца, до его окончательного разгрома».*

Черчилль ошибался только в одном — Сталин никогда не доверял ему и даже подозревал в симпатиях к Гитлеру. Но, тем не менее, поездка Черчилля подготовила создание тройственного союза США, Англии и России — «Большой тройки». История взаимоотношений Черчилля и Сталина — одна из самых драматических в политической жизни XX века, сродни историческим трагедиям Шекспира.

<...>

Черчилль и Сталин: соперники в политике, союзники в войне

Иосиф Сталин и Уинстон Черчилль — два выделяющихся политических лидера XX века, оказавшие огромное влияние на ход европейской и мировой истории. Трудно найти более разных людей по социальному происхождению, национальности, образованию, интеллекту. Но на короткое время, в период Второй мировой войны, судьба свела их вместе. Их объединила общая борьба с нацизмом, освобождение Европы от коричневой чумы. Столкновение этих личностей, их политической философии и жизненного опыта до сих пор представляет огромный интерес. Не случайно этому посвящено несколько книг, а совсем недавно на эту тему в Англии была проведена специальная конференция**.

* Public Record Office. Fo 37150804. P. 7.

** Churchill and Stalin. Anglo-Russian Seminar held at Foreign & Commonwealth Office on Friday 8 March, 2002.

Что общего было между Черчиллем и Сталиным? Абсолютно ничего, кроме того, что оба были лидерами своих стран. Их разделяла пятилетняя разница в возрасте. Сталин был сыном сапожника, алкоголика, убитого в пьяной драке своими собутыльниками. Отец Черчилля Рендольф Черчилль был потомком Джона Черчилля, герцога Мальборо, мать — дочерью крупного американского финансиста. По выражению автора Национального словаря, Черчилль был «наполовину американцем, но полностью англичанином».

Пока Черчилль получал элитарное образование в военной школе и постепенно приобщался к британской политике, Сталин в это время учился в церковной школе, а потом изучал марксизм и грабил банки.

В 1919 году Черчилль становится секретарем по делам войны в правительстве Ллойд Джорджа, а Сталин — членом Политбюро по делам национальностей. Пик политической деятельности Черчилля относятся в 1940 году, когда он становится премьер-министром Великобритании и лидером консервативной партии. Сталин же достиг пика своей карьеры еще раньше, после смерти Ленина став неограниченным диктатором России. Как с огорчением сказала его мать, сын стал не священником, о чем она мечтала, а русским царем.

Их интерес друг к другу возник только в 30-х годах. Известно, что когда леди Астор посещала в Кремле Сталина, он спросил ее о ведущих английских политиках. Она охарактеризовала Чемберлена как «человека на подъеме». Сталин спросил «А как Черчилль?» Леди Астор ответила: «Черчилль? О, это конченный человек».

Как известно, Черчилль называл Россию загадкой и в своих статьях о России и русских политических деятелях пытался эту загадку разгадать. Но ему еще суждено было скоро столкнуться лицом к лицу с одной из самых трудноразрешимых даже в России загадок — с личностью генералиссимуса Иосифа Сталина.

Сам Черчилль потратил много времени и усилий, чтобы разгадать загадку России. И чего-то в этом отношении добился. Но его личные отношения со Сталиным тоже составляют загадку, многое в них остается все еще неясным, требующим переосмысления и обсуждения.

Личные отношения между Сталиным и Черчиллем продолжались четыре года. За это время Черчилль дважды побывал

в Москве, в августе 1942 и в октябре 1944 года. Кроме того, они встречались на Тегеранской (ноябрь-декабрь 1943) и Ялтинской (февраль 1945) конференциях. Черчилль и Сталин не только встречались, но и состояли в постоянной переписке. В этих отношениях были свои подъемы и спады. Первым шагом было личное письмо Черчилля к Сталину, написанное в июне 1940 года. Второе письмо содержало предупреждение о концентрации немецких войск на юге Польши и готовящемся нападении на СССР. Сталин ответил на первое и игнорировал второе.

У Сталина в это время было иное отношение к Гитлеру. Он снял с должности посла в Англии Литвинова, который ратовал за союз с Англией против Гитлера. Министр иностранных дел Молотов в поисках союзника ориентировался не на Англию, а на Францию.

Тем не менее предостережения Черчилля оправдались, и немецкие войска вторглись на территорию СССР. На следующий день после вторжения Черчилль выступил по радио со следующей речью: *«Я был последовательным оппонентом коммунизма в течение последних двадцати четырех лет. Я не откажусь ни от одного слова, которые я тогда высказал но все это утрачивает смысл на фоне того, что сегодня происходит. Мы должны оказать всяческую помощь России и русскому народу... Опасность для России есть наша опасность и опасность для США. Борьба русских за их свободу и их родной дом есть основа для свободы человека и свободы людей на четверти земного шара»**.

На Западе были сторонники того, чтобы встать в стороне и посмотреть, как Гитлер и Сталин, эти два диктатора, уничтожают друг друга. Черчилль был категорически против такой позиции. Он считал, что эта война решает судьбу России и что русские будут сражаться до конца. 26 мая 1942 года в Лондоне был подписан англо-советский договор о союзничестве на 2 лет. Это положило основу для личных встреч Черчилля и Сталина.

Первая встреча состоялась в августе 1942 года. 8 сентября 1942 года Черчилль произнес в британском парламенте речь по итогам своего визита в Москву в августе 1942 года. Среди прочего он сказал:

«России очень повезло, что, когда она агонизировала, во главе ее оказалась такой жесткий военный вождь. Это выдающаяся

* Churchill and Stalin. P. 313.

личность, подходящая для суровых времен. Человек неисчерпаемо смелый, властный, прямой в действиях и даже грубый в своих высказываниях... Кроме того, он обладает чувством юмора, который чрезвычайно важен для людей всех национальностей. Он оставил у меня большое впечатление глубокой, холодной мудрости и совершенным отсутствием всяческих иллюзий. Я надеюсь, что заставил его поверить в то, что мы будем верными и надежными соратниками в этой войне — но это, в конце концов, доказывается делами, а не словами» (Commons, Sept. 8, 1942).

В этом портрете Сталина есть много противоречивых черт. С одной стороны, Черчилль признает, что Сталин — выдающаяся личность. Смелый, обладает «холодной мудростью», «прямой в действиях». Как мы видим, Черчилль не скупился на дифирамбы. Вспомним, что он сказал по поводу Гитлера: «Если Гитлер вторгнется в ад, я дам дьяволу самые лестные отзывы в палате общин» (из речи по радио 22 июня 1941 года).

Как свидетельствует переводчик Сталина Валентин Бережков, между Сталиным и Черчиллем состоялась беседа, из которой можно понять, что Сталину было известно высказывание Черчилля насчет дьявола.

«— Да поможет вам Бог, — сказал Сталин.

— Бог, конечно, на нашей стороне, — согласился Черчилль.

— Ну, а дьявол, разумеется, на моей, и объединенными усилиями мы победим врага, — подхватил Сталин»*.

Но с другой стороны, он отмечает «грубость» Сталина, «отсутствие всяческих» иллюзий. Черчилль очень ценил в людях чувство юмора, и он признает за Сталиным это качество. Правда, у Сталина был, как известно, своеобразный юмор, совершенно отличный от того, каким обладал Черчилль.

Черчилль предлагал встретиться на юге СССР, но Сталин пригласил его в Москву, и Черчилль принял это приглашение. На многочисленных встречах, которые происходили ежедневно, речь шла об открытии Второго фронта. Сталин настаивал на его скорейшем открытии, Черчилль пытался доказать, что англо-американская высадка в Северной Африке является своеобразным Вторым фронтом, а вот высадку во Франции следует отложить. Эти беседы проходили довольно нервозно, и Черчилль даже хотел

* Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 316–317.

улететь на день раньше. И, несмотря на все это, начало личным отношениям было положено.

Открытие Второго фронта стало предметом обсуждения на Тегеранской конференции, которая шла с 28 ноября по 1 декабря 1943 года. Здесь впервые лицом к лицу встретилась вся «Большая тройка»: Сталин, Рузвельт и Черчилль. Это было важнейшее событие в мировой дипломатии и стратегии Второй мировой войны. Помимо Второго фронта и военных планов, на конференции обсуждалось послевоенное устройство мира. Черчилль отстаивал право Польши на присоединение к западному миру после войны, но обсуждение польского вопроса так и не завершилось. 1 декабря была принята Декларация, которую подписали все три лидера.

В период между Тегеранской и Ялтинской конференциями, который продолжался 14 месяцев, отношения между Сталиным и Черчиллем оживились. Предметом обсуждения по-прежнему была судьба Польши, а также границы влияния в Восточной Европе и на Балканах.

В октябре Черчилль вторично приезжает в Москву и проводит здесь десять дней. На этот раз он чувствует себя здесь более уверенно, тем более что Сталин явно благоволил своему гостю. Он сопровождает его в Большой театр, присутствует на ланче в Британском посольстве (чего никогда не делал до тех пор), провожает его в аэропорт. Черчилль уезжает из Москвы явно довольный и пишет Сталину благодарственное письмо от имени «друга и товарища по войне».

Завершающим моментом в личных отношениях Сталина и Черчилля была встреча на Ялтинской конференции. Здесь Черчилль, в противовес позиции Сталина и Рузвельта, предложил, чтобы Франция имела свою зону в оккупированной Германии. Рузвельт, который возражал против участия в конференции генерала де Голля, со скрипом принял это предложение. Споры вызывали и многие другие проблемы послевоенного устройства.

Ялтинская конференция выявила не столько солидарность представителей трех великих держав, сколько их разногласия. «Большой альянс» трех стран-союзниц продолжался до тех пор, пока существовал общий враг. Когда фашизм был разгромлен, начались осложнения между членами альянса, различия в их позициях. Рузвельт советовал Черчиллю не педалировать польскую проблему. В письме к нему еще в марте 1942 года он писал, что

«управляет Сталиным лучше, чем ваше Министерство иностранных дел или мой госдепартамент».

Отношения между членами «Большой тройки» были напряженными. Каждый боялся, что остальные двое сговорятся друг с другом за его спиной. Отношения между Сталиным и Черчиллем усложнились тем, что Сталин никогда не доверял англичанам и отрицательно относился ко всему английскому, тогда как «американскую деловитость» он признавал и предлагал соединить ее с русской предприимчивостью. Сталин справедливо считал Черчилля неуступчивым и говорил, что «когда Рузвельт достает из кармана рубль, то Черчилль вынимает только копейку». Он же, по словам Миколайчика, сказал: «Черчилль не доверяет нам, и, следовательно, мы не можем доверять ему».

На Тегеранской конференции произошел символическое событие. Черчилль подарил Сталину меч, принадлежащий королю Георгу VI. При передаче этого подарка, символизирующего власть и силу, К. Е. Ворошилову Сталин не удержал меч и чуть не уронил его*.

Исайя Берлин, написавший книгу «Черчилль в 1940 году», показал в ней различие позиций Черчилля и Рузвельта в отношении к Советскому Союзу. *«Рузвельт был заинтригован русским сфинксом, Черчилль инстинктивно отшатывался от своего союзника и его неприятных свойств. Рузвельт полагал, что он сможет улестить Россию и даже помочь ей превратиться в одно великое общество, которое поразит человечество; Черчилль же оставался скептиком»**.*

Несомненно, Черчилль прав, когда он говорит о жестокости Сталина и отсутствии у него всяких иллюзий и, можно было бы добавить, какой-либо веры в человека. Но в целом, похоже, Черчилль переоценивал Сталина, принимая его позу за проявление характера, верил его обещаниям, когда как Сталин, по собственным признаниям, Черчиллю никогда не верил. Циничный диктатор оказался практичнее доверчивого джентльмена.

* Я думаю, что Путин отомстил за этот неадекватный средневековый подарок. Он подарил Елизавете II морской кортик. Подарок, конечно, не совсем женский. Трудно представить королеву вооруженной кортиком, но зато уронить его довольно трудно. Этот подарок мне показывали в 2007 году в королевском дворце в Виндзоре.

** Цит. по книге: Churchill. Ed. by M. Gilert. New Jersey, 1967. P. 151.

Не прошло и месяца после того, как Черчилль дал достаточно высокую оценку личности Сталина в своем выступлении в палате общин, как Сталин посылает послу Майскому депешу (от 19 октября 1942 года), в которой высказывает подозрение, что Черчилль хочет вступить в сговор с Гитлером «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брэуннинга за счет нашей страны. Без такого предположения трудно объяснить поведения Черчилля о втором фронте в Европе, по вопросу о поставках вооружения для СССР, которые прогрессивно сокращаются, несмотря на рост производства в Англии, по вопросу о Гессе, которого, по-видимому, Черчилль держит про запас, по вопросу о систематической бомбежке англичанами Берлина в течение октября, которую провозгласил Черчилль в Москве и которую он не выполнил ни на йоту, несмотря на то, что он, безусловно, мог это выполнить»*.

Впрочем, и Черчилль был убежден в двуликости Сталина. В 1943 году он говорил что есть как бы два Сталина. «Один относится ко мне сердечно, но второй Сталин — это мрачная фигура, с которой мы должны считаться».

Робин Эдмондс в статье «Черчилль и Сталин» пишет об отношениях между этими людьми: *«Черчилль говорил, что он ухаживал за Сталиным, как молодой человек ухаживает за девушкой. В действительности его отношения к Сталину колебались. С одной стороны, Черчилль восхищался чертами характера Сталина — памятью, подобной компьютеру (он никогда не брал с собой на конференции записок), четкостью в аргументации, способностью перестроить свое настроение, техникой балансирования между грубостью (которую отмечал Ленин в своем завещании) и шармом. Он был гостеприимным хозяином. Поэтому в начале 1944 года он говорил, касаясь споров о советско-польских отношениях, что если бы он обедал со Сталиным раз в неделю, то “не было бы никаких проблем”. Но, с другой стороны, для него, как англичанина, который поднимался до решения судеб Европы, самым главным был баланс сил послевоенной европейской политике. И когда Вторая мировая война подходила к концу, в сознании Черчилля во весь рост*

* Ржещевский О. А. Черчилль и Сталин. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 176.

*встала устрашающая перспектива остаться в Европе один на один с русским медведем»**.

О взаимоотношениях Сталина, Черчилля и Рузвельта, трех великих личностей, которые определяли судьбу Европы после разгрому нацистской Германии, написано много исследований. Среди них следует выделить обстоятельную работу Герберта Фейса «Черчилль, Рузвельт, Сталин»**. Большую ценность имеют также личные наблюдения очевидцев, которые участвовали во встречах представителей трех великих держав. В этом смысле большой интерес представляют воспоминания Аверелля Гарримана, бывшего американского посла в Москве, который присутствовал на Тегеранской и Ялтинской конференциях. Кстати, о последней он написал статью «Как мы выиграли войну и утратили мир».

Впоследствии Гарриман опубликовал свои воспоминания в книге «Специальный посланник Черчилля и Сталина, в которой он рассказывает о своих встречах с этими двумя представителями расколота на два лагеря Европы. Он так же, как и Черчилль, нарисовал портрет Сталина, который представляет, на наш взгляд что-то вроде мансийской схемы противоборства добра и зла. *«Те, кто не знал Сталина лично, видят в нем только тирана. Мне пришлось видеть другую сторону его личности — высокую интеллектуальность, фантастическое знание деталей, пронцательность и неожиданную восприимчивость, которую он демонстрировал, во всяком случае, в период войны. Я обнаружил что он был более информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль. В определенном смысле он был убийцей и тираном. Должен признаться, что для меня Сталин останется самой загадочной и противоречивой личностью. Таким я знал его и оставляю истории окончательное суждение о нем»***.*

Гарриман имел возможность наблюдать Черчилля на разных стадиях общения с советской политической машиной — с Молотовым и самим генералиссимусом Сталиным. Эйфория победителей нацизма, которые поделили Европу на сферы влияния, вскоре сменилась недоверием, что привело к политике «холодной

* *Edmonds R. Churchill and Stalin // Churchill. Ed. By R. Blake and R. Louis, P. 326*

** *Feils. H. Churchill, Roosevelt, Stalin. Princeton, 1967.*

*** *Harriman A. The Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941–1946. P. 535–536.*

войны». Начало этой войне положил Черчилль, когда в 1946 г. в своей знаменитой речи в Фултоне, объявил, что «железный занавес» опускается над Европой, деля ее на две части на Штецина на Балтике до Триеста на Адриатике. (Правда, сам термин «железный занавес» Черчилль употребил еще раньше — в телеграмме Трумэну от 12 мая 1945 года, копия, которой приводится нами из архива Черчилля в Кембридже).

Гарриман описывает свою беседу с Черчиллем незадолго после речи в Фултоне. *«Черчилль был очень мрачен и говорил, что русские должны понять, что если они не остановят свою экспансию, они встретят сопротивление. Он согласился с моей точкой зрения, что мы имеем дело не только с русскими, как определенной национальной целостностью, но и с каким-то мистическим миссионерством. Говоря о советских русских, он отмечал, что они не знают таких понятий как «честность», «благородство», «доверие», «истина», и более того — придают им негативное значение»****.*

Несмотря на свою довольно высокую оценку личности Сталина. Гарриман отдавал несомненное моральное и политическое предпочтение Черчиллю, в котором видел реальное воплощение политики «честной игры». Об этом свидетельствует следующий эпизод: как рассказывает Гарриман, Сталин на Ялтинских переговорах постоянно пил из большого стакана. Когда Гарриман поинтересовался, что он пьет, Сталин ответил — водку. Однако, когда все покинули комнату переговоров, Гарриман остался и украдкой хлебнул из сталинского стакана — это было обыкновенное столовое вино. Эта история дает осознание Гарриману сделать вывод: «Сталин всегда блефовал, настоящим джентльменом был только Черчилль».

Отношения между Черчиллем и Сталиным до сих пор вызывают дискуссии и споры. Многие авторы полагают что Черчилль переоценил личность Сталина и в сложной политической карте участников «Большой тройки» часто оказывался на последнем месте в триумвирате. Если принять эту точку зрения, нельзя упускать из виду, о спор и соперничество между Сталиным и Черчиллем был спором между джентльменом и диктором. В политической игре позиция диктатора была более выгодна, чем позиции джентльмена. Черчилль, как джентльмен, признал

**** Ibid. P. 549.

правила игры и доверял партнеру, Сталин, как диктатор, не доверял никому, и Черчиллю в особенности.

К тому же Черчилль прекрасно понимал, что имеет дело с диктатором, но при этой подчинялся правилам игры. После смерти Сталина он отчетливо прояснил свое отношение к бывшему союзнику. 9 октября он выступил в палате общин с речью «Мир посредством силы». В ней он сказал: «Сталин в течение многих лет был диктатором России, и тем больше я изучал его карьеру, тем более меня шокировали его ужасные ошибки, которые он допускал, и та крайняя жестокость по отношению к народам и массам, которыми он управлял. Сталин был наим союзником в борьбе против Гитлера, когда Россия подверглась агрессии, но когда Гитлер был уничтожен, Сталин превратился в главную угрозу для нас. Его действия вновь разделили мирю он превратил Европу в сателлита Советского Союза, навязав ей коммунизм. Но вот уже год, как Сталин умер, и с тех пор я пинаю. Надежду на мирное сосуществование с русским народом, и наш долг — терпеливо и настойчиво удостовериться, есть ли такой шанс или нет».

Так говорит Черчилль-джентльмен о Сталине-диктаторе. К сожалению, смерть Сталина не устранила диктаторских традиций в России. Но идея Черчилля о мирном сосуществовании с русским народом была и остается важным политическим фактором.

<...>

Черчилль и Кембридж

Строительство университетов, в особенности таких, как Оксфорд и Кембридж, было давней традицией английских королей и аристократии. Они не жалели денег на науку, справедливо полагая, что со временем их вклад принес еще большие плоды. Действительно, сегодня Оксфорд и Кембридж возглавляют первую десятку университетов мира, и получить там образование считается престижным. Из стен этих университетов вышли известные ученые, писатели и политические деятели. Сегодня там учится много студентов и аспирантов из России.

Посещая Оксфорд и Кембридж последние десять лет, можно видеть, как быстро растут эти университеты, как возникают новые колледжи, новые научные центры, развивающие самые передовые научные дисциплины. Конечно, сегодня английская

корона не способна оказать такую помощь университетам, как это было во времена Генриха VIII. Но помощь английским университетам оказывают теперь ведущие политики. Примером может служить история колледжа в Кембридже имени Уинстона Черчилля.

Самое большое наследство, которое оставил Черчилль, — это, на мой взгляд, основанный им колледж в Кембридже. Черчилля всегда интересовала сфера образования. Он неоднократно избирался ректором различных университетов — Абердина, Бристоля, Эдинбурга, выступал в лекциями в Оксфорде. Но занятия политикой не позволяли ему особенно углубляться в вопросы педагогики и образования. Но когда Черчилль отошел от политики, он активно занялся этой сферой.

Еще в 1943 году Черчилль сказал, что будущее за нациями, которые обладают лучшей системой университетского образования. Именно тогда он сказал крылатую фразу о том, что «будущие империи — это империи ума». Идея реформ университетского образования постепенно получала практическое воплощение.

Как ни странно, идея о создании нового колледжа зародилась не в Англии, а на Сицилии. В апреле 1955 года Черчилль уходит в отставку с поста премьер-министра и на следующий же день уезжает на Сицилию, чтобы провести здесь отпуск. Вместе с ним следует его секретарь Джон Колвилл и лорд Червелл. Здесь между ними зашел разговор о том, что в Британии, на родине индустриальной революции, низкий уровень технологии и технических зданий. Черчилль, который посетил в 1949 году знаменитый Технологический институт в Массачусетсе (МТИ), высказал идею создания в Британии университета, аналогичного этому американскому институту.

Колвилл взял на себя роль его организатора фонда для строительства колледжа. Прежде всего, он связался с Джоном Ориелом, представителем компании «Шелд». Во время войны он потерял зрение из-за отравления горчичным газом. Ориел оказал большую поддержку проекту и впоследствии стал одним из отцов-основателей колледжа. Колвилл добился поддержки и у американца Карла Гилберта, главы компании «Жилетт Индастри». Эта компания еще раньше планировала создание научного учреждения, полагая, что в нем будут учиться в основном американцы. В разработке проекта принял участие и химик Александр Тодд, который впоследствии стал главой Крайст-колледжа. В результате уже

в мае 1958 года фонд, созданный для строительства нового колледжа, насчитывал 3,5 миллиона фунтов. Более 800 компаний приняли участие в образовании этого фонда. Среди них были такие компании, как «Форд», «Рокфеллер», «Гулбенкиан», «Жилетт», «Шелл», «Данлоп», «Инглиш Электрик», «Волфсон» и другие. Были и многочисленные личные пожертвования от частных лиц, в том числе и от самого Уинстона Черчилля.

Все это дало возможность приступить к строительству. Архитектурный проект избирался на конкурсной основе, в конкурсе приняли участие многие архитекторы. неожиданно для всех выиграл малоизвестный архитектор Ричард Шеппард, для которого это был вообще первый архитектурный проект. Проект Шеппарда получил горячую поддержку Николоса Певзнера, известного историка архитектуры и искусства, который назвал его «лучшим в Кембридже». Ричард Шеппард предложил проект в духе эстетики Корбюзье: простые функциональные помещения, плоские крыши, изолированные комнаты с большими окнами, настоящие «машины для жилья». Жилые помещения для студентов и сотрудников расположены вокруг тридцати замкнутых дворов, которые объединяются в четыре блока. каждый дворик засеян травой, на некоторых посажено дерево. Все окна жилых помещений выходят на зеленую лужайку внутреннего двора. Хотя проект был современным, в основе лежал образ средневекового колледжа, идея изолированности, замкнутости. каждый жилой блок имел свой индивидуальный вход. помимо этого предусматривалась огромная территория, предназначенная для крикета и теннисных кортов в колледже много зеленой травы, за ней тщательно ухаживают, стригут и подсаживают там, где появляются прогалины. Прямо на земле стоят абстрактные скульптуры, в частности, Барбары Хепуэрт и Генри Мура, одного из самых выдающихся скульпторов XX века.

В октябре 1959 году Черчилль посетил Кембридж, посадил на территории колледжа несколько деревьев, которые и до сих пор украшают колледж, и выступил с речью. В частности, он сказал: *«Поскольку мы не обладаем огромным населением или природными ресурсами, для того, чтобы выжить, мы должны полагаться только на собственный ум, на собственную систему образованного мышления, чтобы быть в равном положении с США или советской Россией».*

Основывая новый колледж, Черчилль планировал создать не что по образцу американского Технологического института в Массачусетсе. Но он был против уклона в сторону одних естественных дисциплин, по его плану 70% студентов должны были заниматься естественными науками, 30% — гуманитарными. Мысль о необходимости баланса между гуманитарным и техническим образованием высказывалась им неоднократно. Выступая в университете в Осло, он говорил: «Техническое образование не должно перевешивать гуманитарное. Университеты не должны быть слишком прагматичными. Мы нуждаемся в большом количестве инженеров, и не хотим, чтобы весь мир состоял из одних инженеров». И хотя Черчилля беспокоило отставание Великобритании от других стран, прежде всего, в области технологии, он понимал значение гуманитарного образования и необходимости сбалансированной системы образования. В выступлении в Лондонском университете в 1948 году он говорил по этому поводу: *«Я должен сказать, что изменил свое отношение к классике. У меня было неверное отношение к ней, когда я учился в Харроу. С тех пор я изменил свою точку зрения. Знание древнегреческой и древнеримской литературы было огромной образовательной силой в Европе, которую, боюсь, сейчас угасает. Университетское образование не должно быть слишком практическим».*

Желание Черчилля, чтобы основанный им колледж стал английским вариантом Технологического института в Массачусетсе, в определенной мере сбылось. Именно сотрудниками Черчилль-колледжа были сделаны два важнейших открытия XX века — расщепление атома (Джон Кокрофт) и открытие структуры ДНК (Фрэнсис Крик — Нобелевская премия по медицине 1962 года вместе с американцем Джимом Уотсоном).

Поэтому не случайно, что первым главой колледжа был избран Джон Кокрофт (1897–1967), лауреат Нобелевской премии 1951 года по физике. Учился он в Манчестере и еще в юности слушал лекции Эрнеста Резенфорда. Первоначально он был стипендиатом колледжа Сента-Джонс. Поступил в лабораторию Кавендиша в 1924 году, стал доктором в 1928-м. Работал с Пером Капицей, а позднее с Уолтоном по расщеплению атомных частиц. Во время войны работал в США, а с 1944 года — в Канаде.

3 октября 1960 года было первое собрание 33 основателей колледжа. Среди них Джон Моррисон, Джон Хамильтон, Р. Тизард, Питер Сквайр, Чарлз Сноу. Джордж Стайнер, Эндрю Синклер,

Арчи Хови, Браан Берч, Фрэнсис Крик, Алэн Карицки. Чарлз Сноу прочел свою знаменитую лекцию о двух культурах, устанавливая связь между наукой и искусством. На этом собрании не было ни одной женщины. Впрочем, это было традиции Кембриджа, с которой новый колледж решил бороться.

В 1960 году колледж зачислил первых учащихся — 30 аспирантов. На следующий год в колледж поступило 75 студентов. (Сегодня число студентов достигает 400, а аспирантов 220.) В 1960 году был построен первый жилой корпус, но окончательно строительство закончилось в 1964 году, и в этом же году состоялось официальное открытие колледжа.

Черчилль никогда не видел основанного им колледжа. Он умер в 1965 году, оставив о себе добрую память в виде одного из самых больших (и по территории, и по количеству сотрудников) колледжей Кембриджа. Помимо архива, где собраны все материалы о его жизни и творчестве, в колледже имеется мемориальная комната, где хранятся две написанные Черчиллем картины — «Орхидей» и «Морской пейзаж».

С самого начала стало ясно, что Черчилль-колледж отказывается от привычных традиций и претендует на то, чтобы стать либеральным учебным заведением. Это проявилось, прежде всего, в том, что впервые именно здесь разрешали приглашать женщин за хай-тейбл*, что было запрещено в мужских колледжах, за исключением специальных вечеров. Но настоящим испытанием и проверкой либеральной политики колледжа явилась история с часовней. Согласно планам руководства, часовню должны были построить в самом центре колледжа, как это было принято, но ряд членов совета колледжа воспротивились этому. На этой почве в среде коллег произошел раскол.

На первый взгляд история с часовней не кажется слишком серьезной. Казалось бы, какое дело членам совета колледжа до часовни, когда в Кембридже на каждом углу — церковь, в каждом колледже — часовня. Но основатели нового колледжа были в большинстве атеистами, более того, они были создателями новой религии — науки и технологии XX века. С их участием произошли три важнейших открытия — расщепление атома, познание структуры ДНК и изобретение компьютера. Многие

* Особый стол, стоящий на возвышении, предназначенный для членов совета колледжа и их гостей. — *Прим. ред.*

из членов совета колледжа, впрочем, как и его глава, работали в лаборатории Кавендиша. Колледж был новаторским, новаторскими были не только архитектура и скульптуры, но и персонал, люди, которые верили в науку и научную революцию. Именно поэтому часовня в колледже казалась явной анахронизмом. Ее строительство означало сдачу позиций, было возвратом к Средневековью. Поэтому пустяковое дело — строить или не строить часовню — превратилось в принципиальный вопрос, который разделил колледж на два лагеря.

Сначала казалось, что с часовней ничего не выйдет. Денег на ее строительство не было, и никаких пожертвований не ожидалось. Но местный священник пожертвовал вдруг 25 тысяч фунтов, и вопрос о часовне встал ребром. На специальном собрании, где присутствовало 25 человек, 12 проголосовали за строительство часовни, 13 против. Но глава колледжа Кокрофт неожиданно оказался на стороне поклонников религии и пригрозил, что уйдет со своего поста и вообще закроет колледж. В результате большинство отказалось от первоначального решения. Тогда Нобелевский лауреат Френсис Крик, открывший тайну ДНК, в знак протеста объявил о своем выходе из совета колледжа. Это был грандиозный скандал.

В сентябре 1961 года Френсис Крик написал Черчиллю письмо, сообщая о своем уходе. В ответ Черчилль писал: «Я с сожалением узнал о вашем уходе из Черчилль-колледж, но для меня остаются загадкой причины вашего решения. Деньги на строительство идут не из общего фонда, а из частного пожертвования мистера Бомонда. Как бы мы ни относились к религии, часовня будет служить только тем, кто в ней нуждается, и никто не обязан посещать ее, если не пожелает».

Это письмо заставило Крика изложить свои мотивы более детально. В письме от 12 октября 1961 года он пишет Черчиллю: «Дорогой сэра Уинстон. Сожалею, что Вы не понимаете причин моего ухода из колледжа. Меня не устраивает, что в середине 20-го века в новом колледже, ориентированного на точные науки, собираются построить часовню. Вполне естественно, что некоторые члены совета колледжа будут верующими, во всяком случае, в ближайшие десять лет. Но я не понимаю, почему новый колледж должен поддерживать их религиозность и создавать для этого новое учреждение. Церквей в городе много, и они наполовину пусты. Пусть верующие ходят туда. Это не дальше, чем

ходить на лекции. Я боюсь, что строительство часовни повлечет мой выход из колледжа, который носит Ваше славное имя».

В конце концов, часовня была построена, но не в центре, а на окраине колледжа. Это небольшое здание, где не проводятся регулярные службы, гораздо чаще здесь проходят музыкальные вечера.

Эта злополучная история доказала, что Черчилль-колледж, в отличие от других колледжей Кембриджа, был менее консервативен. Здесь чувствовалась большая свобода от условностей, собственные традиции колледжа только рождались.

В Черчилль-колледже было несколько глав, и все они, как правило, были крупными учеными. После Кокрофта его место занял Уильям Хоуторн, который вышел в отставку в 1983 году. После него главой стал Джерман Бонди, известный физик и астроном. За Бонди его место занял специалист по инженерии Алекс Бройре, пробывший на этом посту всего несколько лет, так как в 1995 году его избрали вице-канцлером всего университета. Затем главой колледжа стал дипломат Джон Бойд, бывший до того послом в Японии. С ним в колледж пришла музыка. Сегодня Черчилль-колледж возглавляет математик Дэвид Уоллес. С последним четыремья главами колледжа я был знаком и писал о них в моей книге «интеллектуальная история Кембриджа».

Структура Черчилль-колледжа мало чем отличается от структуры других колледжей, хотя у каждого есть свои особенности. Например, королевский колледж. Там главу колледжа, хотя это и выборная должность, утверждает королева. Глава управляет колледжем с помощью Совета, в который входят, прежде всего, сотрудники офиса: помощник главы, заведующий финансами (бурсар), главный куратор, куратор для особо успевающих студентов. Дело в том, что в Кембридже, как и в Оксфорде, студенты получают знания не только на лекциях. Главным образом они обучаются благодаря общению с учеными, работающими в колледже, которые руководят их работой на протяжении всех трех лет обучения. Такая система позволяет выделить из числа студентов и аспирантов наиболее перспективных.

Черчилль-колледж — один из самых больших в Кембридже, в нем насчитывается около 150 сотрудников, которые делятся на семь категорий. Категория А — преподаватели и администраторы. Это самая большая категория — 55 чел. Они осуществляют систему кураторства, консультации и преподавание внутри кол-

леджа. Затем идет категория В — старшие научные сотрудники (Senior Research Fellows) (5 чел.), которые имеют контракт как минимум на 10 лет, и младшие (Junior) научные сотрудники (15 чел.) с контрактом на три года. Категорию С составляют профессионалы (10 чел.), занимающие посты заведующих кафедрами. Категория D — пенсионеры (20 чел.), члены колледжа, находящиеся на пенсии. Категория E — выдающиеся ученые (5 чел.). категория F — зарубежные (Overseas) специалисты (8 чел.), посещающие колледж на 6 месяцев и более. Наконец, существует категория почетных членов.

Кроме сотрудников колледж избирает определенное число старших членов (Senior Members), в число которых входят зарубежные ученые, учителя, художники, посетители архива. В число старших членов входят также бывшие студенты, которые могут периодически приезжать в колледж для встреч с однокурсниками.

Глава колледжа и его сотрудники составляют руководство колледжа (Governing Body), которое собирается четыре раза в год, решая на демократических основаниях вопросы финансов и управления колледжем. Каждый, за исключением пенсионеров и зарубежных коллег, обладает правом голоса.

Чтобы следит за всеми сторонами жизни колледжа, выбирается ряд комитетов: финансовый, библиотечный, экспозиции произведений искусства, спортивный и даже комитет по закупке вин. Кроме того, в колледже более ста человек обслуживающего персонала: привратники, садовники, уборщики, регистратор, повара, архивисты, библиотекари и т. д.

В колледже постоянно ведется строительство новых корпусов. После завершения жилого комплекса в 1958 году было построено здание часовни. Заем в 1973 году построено здание архивного центра Черчилля (расширено и достроено в 2002-м). Все это строится в стиле общего комплекса. Исключение составляет лишь здание Моллер-центра, центра продолженного обучения, построенное в 1992 году. Оно получило это название, потому что средства на его строительство дал датчанин Маерск Моллер из благотворительных целей.

В конкурсе участвовало четыре архитектора, в 1959 году его выиграл Хенниг Ларсен.

Это здание — образец датского постмодернизма. Оно сохраняет элементы классицизма. Для центра была создана специальная мебель датским дизайнером Гансом Вегнером.

Это здание получило критическую оценку в прессе. Его называли «Бленхеймом государства всеобщего благосостояния», «пятизвездочным отелем для бизнесменов».

Черчилль-колледж создавался как элитарное учебное заведение, где должна быть сосредоточена элита технических и точных наук. Таким он остается и сегодня. Так что можно сказать, что мечта Черчилля создать нечто подобное американскому Технологическому институту сбылась. К сожалению, далеко не всегда здесь рекомендации Черчилля соблюдать баланс между гуманитарными и точными науками. Большинство преподавателей гуманитарных дисциплин — литературоведения, истории искусств, русского языка — сегодня либо на пенсии, либо покинули колледж, и на смену им не пришли новые, молодые специалисты. В колледже доминируют технические науки, все ведущие места, за исключением поста главы, заняты химиками, физиками, астрономами, инженерами.

При возникновении колледжа один из его основателей, Черльз Сноу, в своей знаменитой статье «Две культуры» задался вопросом, возможна ли гармония между двумя культурами — естественно-научной и гуманитарной? Похоже, что ответ на этот вопрос до сих пор не найден.

Одной из важнейших достопримечательностей Черчилль-колледж является архив его основателя. Это — дань памяти человеку, который внес вклад в развитие и становление Кембриджского университета.

Архивный центр был создан в 1973 году как хранилище всех рукописей, книг, документов и изобразительных материалов, связанных с жизнью и деятельностью Уинстона Черчилля. В архиве работает шесть архивистов, а патрулируется он известными учеными и политическими деятелями, включая дочь Черчилля леди Соумс. В архиве находится 2 тыс. единиц хранения, включая письма и рукописи Уинстона Черчилля от детских лет до последних дней его жизни. Здесь же собраны книги, написанные самим Черчиллем и написанные о нем, — исторические исследования, воспоминания.

С годами места в архиве стало не хватать, и решено было достроить его. В 2009 году я присутствовал на открытии пристройки к зданию архива, где я познакомился с Маргарет Тэтчер, почетным президентом архива. В разговоре со мной Тэтчер сказала, что мечтает изучить русский язык и интересовалась русскими студентами, учащимися в колледже.

Считается, что Черчилль-колледж — самый большой и влиятельный из всех колледжей Кембриджа.

Черчилль много сделал для Великобритании как политик. Но как мы видим, он внес огромный вклад в национальную культуру как основатель университетского колледжа, который носит его имя и хранит историческую память о нем. Пожалуй, не каждый политик может похвастаться такой памятью, какую оставил о себе Черчилль. Я думаю, что эта память сохранится еще не одно столетие, пока будет стоять колледж...

